

Слѣдовательно, Дольфус придал австрійскому корпоративному движению, находившемуся по двлініем Шпана, менѣе «аристократическій» характер. Что же касается «подконтрольнаго народоправства», то тут Дольфус оказался болѣе консервативным. Не слѣдует забывать, что Вѣнская школа предоставляла всѣм корпоративным частям національнаго цѣлаго не только право самоуправленія, но даже и в тѣх случаях, когда их автономное законодательство могло бы нарушить интересы націи, право законодательнаго почина. Напротив, в системѣ Дольфуса мы не только не видим принципа широкаго самоуправления корпорацій, но даже и в дѣлѣ общаго законодательства авторитарное правительство обладает монополіей на право законодательной инициативы. Характерно, что конституція канцлера Дольфуса покоится на католической идеологіи, лежащей в основѣ и универсализма Шпана. Правда, примат государства нигдѣ не нарушается Шпаном и его школой, и корпорація духовенства подлежит в их системѣ контролю правящаго отбора в интересах націи, но религія все же признается ими важнѣйшей функціей національнаго цѣлаго. В этих условіях всегда можно было бы ожидать превращенія авторитарнаго правительства в теократію, которая, по всей вѣроятности, приняла бы цѣлостный характер. Все же Дольфус пошел в этом отношеніи дальше Шпана, открыто оперев свой корпоративный строй на папскую энциклику «Quadragesimo anno» и провозгласив «божественное происхожденіе» своей диктатуры.

Дальнѣйшее развитіе австрійскаго корпоративизма доставленнаго Дольфусом на рельсы условной авторитарной демократіи, все болѣе отклоняется не только от программы Шпана, но и от идеологіи самого Дольфуса. Правящій отбор Австріи, составившійся из слиянія клерикальной партіи канцлера Шушнига с фашистскими формациями князя Штаремберга, постепенно пріобрѣтает характер своеобразной націонал-демократіи; созданныя хозяйственныя корпораціи, монополизующія отдѣльныя отрасли національнаго хозяйства, начинают опредѣляться параллельными политическими организаціями правящаго отбора; самоуправленіе хозяйства может превратиться в фикцію. Однако, каковы бы не были послѣдствія дальнѣйшей эволюціи австрійскаго корпоративизма, ученіе Шпана и его школы войдет в исторію корпоративнаго движенія не только в Австріи и Германіи, но, пожалуй, даже и во всей Центральной Европѣ.

Б. С. Ижболдин.

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Два года тому назад, на страницах этого журнала, Н. А. Бердяев дал исчерпывающій очерк «Исканій соціальной правды молодой

Франції». Мы не станем возвращаться к характеристикам этих движений, а лишь напомним последующие этапы их развития. Напомним, что основное настроение тех или иных интересующих нас группировок — это «разрыв» с буржуазным миром с одной стороны, с другой — борьба с марксизмом на этико-религиозной почве.

Но мы намеряемся несколько расширить рамки нашего изследования, чтобы коснуться, хотя и вкратце, старшего поколения, которое сотрудничает с молодежью и определило свои позиции после «февральских дней».

События 6 февраля 1934 года, которые столь глубоко потрясли политическую Францию, отразились, конечно, и на идейном фронте — но не в смысле какой-либо партийной акции, а, наоборот, в смысле ее отрицания. Появился целый ряд «планов», «манифестов» и «деклараций», призывающих к примирению враждующих сторон и к ликвидации конфликта. Интересным примером этой попытки является «план 9-го июля» с предисловием Жюль Ромэна, предлагающий экономическую и правительственную реформу вне партийных умозрений.

На католическом социальном фланге вышла приблизительно в то же время коллективная брошюра за подписью Жака Маритэна, Шарля дю Боса, Жильсона и многих представителей науки и профессуры, под заглавием «Во имя Общего Блага». Эта брошюра призвала христиан объединиться на духовной почве, не становясь ни на сторону тех, которые борются во имя материалистической доктрины Маркса, ни на сторону тех, которые хотя «пресечь коммунизм» во имя президентия и грядущимся. Если опасно коммунистическое наступление, не менее опасен фашистский лагерь, который «компрометирует идею порядка, авторитета, дисциплины слишком узким пониманием национального интереса, безчеловечным отношением к достоинству трудящихся масс» и который «взирает на религию как на средство, ведущее к захвату мирской власти».

Нельзя «выбирать наименьшее из двух зол», необходимо прийти к утверждению вечных ценностей, к преодолению всех форм социального и политического зла, все равно, идут ли они справа или слева. С одной стороны, — «бунтующие», с другой стороны — буржуазные «благонамренные» (*bien-pensants*). Ни с теми, ни с другими христианин не может идти в ногу.

Этот «снобизм», это резкое отмежевание себя от «благонамренных» является одним из главных мотивов после-февральских дней.

В это время специально изучаются труды религиозных и социальных мыслителей и особенно книга Жака Маритэна «*Du Régime Temporel et de la Liberté*». Переводятся на французский язык и

читаются с напряженным вниманием книги и статьи Бердяева. Молодой бельгиец Раймонд де Беккер, талантливый публицист и энергичный деятель, организует так называемое «коммунитарное движение» и «технику духовного действия». На этой же почве, уже известная читателю движения «Esprit» и «Ordre Nouveau» продолжают свою работу.

Дело, конечно, идет не о массовом действии, а лишь о постепенном наборе людей и создании кадров, духовно сплоченных. Массы в той или иной мере продолжают быть одержимы стихией гражданской распри и вливаются в ряды национального или народного фронта. Но здесь мы будем говорить лишь о тех, которые освободились от этой стихии, т.-е. о так называемой «Третьей Силе».

За последние годы, Esprit выпустил ряд номеров своего журнала, посвященных основным проблемам времени: собственность, корпорация, национализм и интернационализм, «техника духовной революции», марксизм, гуманизм и т. д. На место буржуазного индивидуализма выдвигается уже охарактеризованный Н. А. Бердяевым персонализм, начало сверх-индивидуальное, сохраняющее вечные ценности человеческой личности и в то же время связующее их с «коммунитарным», иначе говоря «общинным» началом. Можно по-разному оценивать конструктивную сторону этих исканий. Многого еще остается расплывчатым, неопределенным, или слишком теоретичным. Самый факт, что практика отсутствует, что приходится удовлетворяться доктринальными построениями, делает задачу группы Esprit чрезвычайно трудной. Представители движения сами отлично это чувствуют. Обращаясь к истекшим годам своей деятельности, редакция журнала следующими, не лишними мудрости словами характеризует свою деятельность:

«Нарождается третья сила, которая взрывает рамки и коммунизма и фашизма. История ее известна: это история всех начинаний — диалектическая негибкость, сентиментальная невоздержанность, за которой следует неожиданное отступление, соблазн, внесенный временным союзником, или даже противником, одним словом, весь живой хаос искусства... Закалка еще не готова, сплав еще не найден. Но мы знаем, благодаря ежедневному опыту, что процесс продолжается. Мы работаем во имя этой нарождающейся силы».

Оставив на время в стороне вопросы экономического и общественного строительства, группа «Esprit» ныне пытается раскрыть проблемы частного быта — и, в первую очередь, проблемы семьи и брака.

Ибо и здѣсь необходимо внести «духъ новый» и утверждать сверх-личныя цѣнности. Это раскрытіе быта является особенно существеннымъ для борьбы съ марксистскими позиціями. Недостаточно для этого «спорить съ коммунистами», необходимо подвергнуть критику и нынѣ существующую буржуазную семью, ея замкнутость, за-твердѣлость, ея духовную и экономическую обособленность. Трудно защищать «благонамѣренную» семью, но можно и нужно утверждать духовный смыслъ подлиннаго христіанскаго брака. Тогда только критика коммунистическихъ установокъ станетъ возможной и цѣлесообразной.

В февральскомъ номерѣ «Esprit» напечатана статья Жака Перре по поводу очерковъ, посвященныхъ въ «Юманитѣ» коммунистической семьѣ. «Юманитѣ» воспѣваетъ новыя концепціи, нынѣ проводимыя въ совѣтской Россіи. Признавая несомнѣнный сдвигъ, происшедшій въ СССР въ сторону реконструкціи семьи, Перре отмѣчаетъ, что новая идеологія является не менѣе дегуманизирующей, чѣмъ анархія предыдущихъ лѣтъ. Ибо въ этой идеологіи семья сохраняется исключительно лишь какъ «соціальная функція», ея миссія — давать странѣ «красивыхъ и здоровыхъ дѣтей», «улучшать расу», «раціонализировать рождаемость».

Персонализмъ явно противится этому чисто натуралистическому или соціальному подходу. Онъ напоминаетъ о глубокой потребности человѣка находить въ семейномъ быту не одну соціальную функцію, а духовную солидарность, свой личный, независимый отъ общества и государства интимный міръ. Проблема брака не разрѣшается вопросомъ рождаемости или алиментовъ.

Весьма характерно, по мнѣнію Перре, что совѣтскіе сдвиги особенно привѣтствуются на западѣ затвердѣлыми консерваторами, которые, восторгаясь «совѣтской эволюціей», не скрываютъ своего возмущенія передъ попытками католической молодежи воскресить идею человѣческаго достоинства и духовной солидарности въ бракѣ.

По этой линіи, утверждающей духовныя цѣнности, будетъ ставиться въ «Esprit» проблема материнства и воспитанія и женскій вопросъ, сущность котораго не должно смѣшивать съ изжившимъ себя «феминизмомъ».

**

Если обратиться къ другой вышепазванной группѣ «Ordre Nouveau», то и здѣсь главныя позиціи остались тѣми же, какими онѣ были въ 1934 году. Онѣ продолжаютъ развиваться въ духѣ среднимъ персоналистическимъ концепціямъ «Esprit». Но «Ordre Nouveau», въ которомъ наблюдается нѣкоторый технократическій уклонъ, то тону суше, научнѣе, чѣмъ «Esprit», его исканія направлены скорѣе въ сто-

рону разработки реального, целостного плана действий, чем в сторону духовных установок.

Это не значит, что у этой группы нет своей идеологии. Ее вдохновитель, покойный Дандье, автор «*La Révolution nécessaire*», очень острый и даже мощный молодой мыслитель, оставил неизгладимую печать на страницах журнала, издаваемого его ближайшими последователями: Дени де Ружемон, Робер Арон, Даниель Ролс и т. д.

Революционность «*Ordre Nouveau*» насыщена прудоновскими мотивами. Этот возврат к Прудону и противопоставление его Марксу нам кажется исключительно интересным фактом, поскольку он связан с французской революционной традицией, и, стало быть, созвучно французской молодежи, чем доктрина автора «Капитала».

В своих практических конструкциях «*Ordre Nouveau*» опирается на два основных принципа: 1) «Всеобщая трудовая повинность», 2) Федерализм внутри-государственный и международный.

Последний противопоставляется современному международному строю, который является союзом «государств-наций», не освобожденных от автаркии и от милитаристической стихии. Тогда как «Федерация», в концепции «*Ordre Nouveau*», есть объединение национальных и экономических секторов, подчиненных сверх-национальному плановому хозяйству.

В области «трудовой повинности» интересен практический опыт, недавно произведенный членами «*Ordre Nouveau*». Последние задумали заменить группу рабочих на фабриках и дать им таким образом возможность получить платный месячный отдых. Опыт был сделан на четырех заводах и освободил 60 рабочих, впервые воспользовавшихся летними каникулами. Благодаря месячному стажу на заводах, члены «*Ordre Nouveau*» сделали ряд ценных наблюдений, познакомились на местах с настроениями как трудящихся, так и предпринимателей и пришли к практическому выводу: замена неквалифицированных рабочих «трудовой армией» возможна и осуществима.

Прежде чем закончить наш обзор, мы хотели бы остановиться на одном вопросе, который за последнее время особенно волнует идейную и духовную общественность. Это вопрос об отношении христиан к коммунистам.

Тогда как в советской России существует антирелигиозное засилье, исключаяющее всякую возможность встречи марксистов с «религиозниками» в общественной или идейной работе, на Западе эти встречи, наоборот, происходят все чаще. Достаточно взгля-

нуть на Германию, где коммунисты и католики по разным причинам одинаково гонимы, и по разным причинам, но одинаково противятся национал-социалистической идеологии. Во Франции же коммунистическая пропаганда как будто даже льстит религиозным мыслителям анти-фашистского толка, призывая их к общему действию против фашистского наступления, пытаясь так или иначе завлечь их в свой лагерь. Этой попытке сближения предшествовало зарождение «Советского Гуманизма». Последний преподносится западной интеллигенции в особенно розовых, идиллических тонах; воспевается общее благополучие, торжество справедливости и свобода творчества, обетование которых якобы несет безклассовое общество. Мотивы классовой ненависти по возможности замалчиваются, антирелигиозная борьба искусно маскируется, призывы Горького к расправе с классовым врагом едва ли находят свое отражение в советской пропагандной литературе, предназначенной для западной культурной элиты.

Нужно сказать, однако, что эта довольно грубая тактика имеет успех лишь у наивных идеалистов, но не удается на подлинном религиозном фронте. Здесь имеется своя идеология, которой не грозит опасность заразиться марксизмом, даже самого идеалистического, гуманитарного вида. Тактический прием, указанный Дмитриевым на съезде Коминтерна и заключающийся в том, чтобы «разлагать христианство изнутри», был очень быстро расшифрован. Сравнивая христианские кадры с «Троянским конем», которым должны воспользоваться коммунисты, чтобы проникнуть во враждебный лагерь, Дмитриев забывал об одном: что эти кадры суть ж и в о й о р г а н и з м, способный развить именно то противоядие, которое, в свою очередь, может разложить материалистическую доктрину. И в самом деле, борьба коммунистов с христианами вовсе не должна неизбежно быть разрешена в пользу коммунистов.

Проблема эта носит не только идеологический, но и практический характер. С ней сталкивается не одна религиозно-настроенная интеллигенция, она встает и перед рядовым общественным деятелем и перед духовенством, работающим в «красных зонах» Парижа, в революционно-настроенных заводских центрах, — всюду, где христианину приходится стоять бок-о-бок с воинствующим безбожником. Какова же должна быть позиция «религиозника»? Совершенно ясно, что слепая ненависть и злоба приведут к духовному банкротству. Необходимо наибольшее милосердие, и наряду с борьбой с идеей коммунизма, максимум любви к человеку, глубокое понимание его потребностей и даже его бунта. Пусть «благоденствующие» возмущаются такими «встречами», они не только неизбежны, но и необходимы.

Эта борьба двух начал, борьба проводимая не в полемическом, а в духовном плане, приобрела за последнее время животрепещущий

интерес. В связи с ней религиозные мыслители стремятся к возрождению подлинного христианского гуманизма. Жак Маритен посвятил этой центральной проблемѣ ряд статей и недавно выпущенную им книжку «Lettre sur l'Indépendance»; автор излагает мысль, что христианин призван в наши дни к исключительно ответственному дѣлу. Он не должен запереться в своем кружкѣ, в своем кабинетѣ, а смѣло выходить на самыя передовыя позиціи, не боясь встрѣчи именно в той зонѣ, гдѣ почти никогда не слышна благая вѣсть Христа. Не среди «благонамѣренных», а среди бунтующих нужно говорить о мирѣ и о любви.

Итак, христианин должен принимать активное участіе в переустройствѣ міра и в утвержденіи социальной правды. Но это дѣло может оказаться благотворным лишь при одном условии: он должен всюду оставаться «независимым», сохранять свое истинное лицо, помня, что цѣль его дѣятельности не самоутверждение человѣка, которое проповѣдует совѣтскій гуманизм (эгоцентризм), а утверждение человѣка в Богѣ (Теоцентризм).

Тѣ же мотивы встрѣчаются и в октябрьском номерѣ «Esprit», посвященном гуманизму, и в трудах молодого философа Этьена Борна, и в книгѣ Даніэля Ропса (сотрудника «Ordre Nouveau»): «La Misère et Nous».

Доминиканскій еженедѣльник «Sept» печатает ряд статей, которыя проводят грань между коммунистическим строительством и искаженіями христианской социальной правды. Только признав необходимость, существенность праведнаго социального строя, можно во всеоружіи выходить на борьбу с марксизмом, причем эта борьба не должна вестись в духѣ ненависти и злобы, а выражаться в милосердіи, в добросовѣстном изученіи позицій противника. Коммунизм родился от великой неправды, от измѣны христианскаго міра, который растерял свои сокровища и не помнит родства своего.

Коммунизм формулирует в искаженном видѣ законное стремленіе трудящихся к социальному преобразованію, которое есть дѣло обновленнаго христианства.

**

Под знаком уясненія этого центрального вопроса прошел истекшій год, и духовные пути французской интеллигенціи значительно расширились и уточнились. Эти пути несомнѣнно революціонны, но они не связаны с революціей политической.

В своей интересной книгѣ «Etat des Forces en France», Пьер Фредерикс отмѣчает, что крупные писатели, которые вошли в «Комитет Антифашистской Защиты» и в нинѣя лѣвыя объединенія, несмотря на весь свой революціонный паѳос, не оказывают прямого

воздѣйствія на молодежь. 1) «Ни об одном из них нельзя сказать, что его социальное вліяніе может сравниться с вліяніем Толстого, Достоевскаго, Горькаго (до 1917 г.) или даже Золя». Несмотря на свое желаніе занять идейные аванпосты, Андре Жид остается изолированным.

У «Третьей Силы Франціи» нѣтъ «власти дум», нѣтъ духовнаго вождя. Даже такіе мыслители старшаго поколѣнія, как Маритэн, скорѣе сотрудничают с молодежью, чѣм ведут ее. Это явленіе нам представляется далеко не отрицательным.

«Третья Сила» Франціи не пережила и, вѣроятно, не переживет павоса идейнаго вождизма. Она развивается свободно, движимая не людьми, а духом.

Если «заказка» еще не готова, если «сплав» еще не найден, можно однако утверждать, что эта сила добилась реальных результатов: она не поддавалась соблазну ни справа ни слѣва, не выбрала наименьшее из «двух зол», из «двух недоразумѣній», твердо защищая позиціи подлиннаго духовнаго гуманизма.

Елена Извольская.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И «ОБЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ» ЧЕЛОВѢКА

«Всякому человѣку, для того чтобы дѣйствовать, необходимо считать свою дѣятельность важною и хорошею и свое положеніе «хорошим и уважительным».

Толстой особенно упирает на насущность нужды человѣка в таком сознаніи. — Маслова «была проститутка, приговоренная к каторгѣ, и, несмотря на это, она составила себѣ такое мировоззрѣніе, при котором могла одобрять себя и даже гордиться перед людьми своим положеніем». И она «дорожила таким пониманіем жизни больше всего на свѣтѣ, — и не могла не дорожить им, потому что, измѣ-

1) Совершенно иначе, конечно, обстоит дѣло с правыми мыслителями и особенно с Морасом. Его вліяніе на молодежь чрезвычайно глубоко; но мы его не касаемся; именно это вліяніе не коснулось представителей «Третьей Силы», которые нас занимают и которые абсолютно непроницаемы идеям «Action Française».